

ЛИМБ

Мистическая драма / Психологический триллер

РОМАН

Владислав Маркин

ЛИМБ

<https://litres.ru/74102233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он бежал от жизни. Смерть заставила его остановиться. Любовь — вернуться.

Тимур попадает в Лимб — серый мир между жизнью и смертью. Чтобы обрести покой, он должен пройти через семь кругов собственных воспоминаний: голод, предательство, сиротство, боль потерь. Но в этом мире теней он встречает Кристину — ту, ради которой готов отказаться от Рая. Теперь его главное испытание — не пройти семь кругов, а сделать выбор: вечность без неё или вечность с ней, даже если это Ад. Пронзительная история о силе прощения, боли прошлого и любви, которая не умирает.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владислав Маркин

ЛИМБ

Глава

ПРОЛОГ

Город не спал. Он дышал тяжело, с хрипом, как старик, у которого в груди застряла многолетняя пыль. Каждое утро он просыпался в серой дымке, выдыхал сырой, холодный туман и втягивал в свои легкие запах мокрого асфальта, машинного масла и горелого хлеба из круглосуточной пекарни на углу. Ты чувствовал этот запах, даже если не хотел. Он въедался в одежду, в волосы, в самую суть твоего существования, напоминая о том, что ты всего лишь еще одна песчинка в этом огромном и равнодушном механизме. И с каждым днем становилось все труднее дышать, все труднее убеждать себя, что у этого бега есть хоть какой-то смысл.

Тимур стоял у окна своей каморки, снимаемой за копейки. Стекло было грязным, заляпанным следами дождя, которые засохли и превратились в разводы, похожие на шрамы. Он смотрел на проспект внизу, где редкие машины разрезали лужи, оставляя за собой длинные, мокрые полосы. В их свете он видел собственное отражение — худое лицо с резкими скулами, темные круги под глазами, которые не про-

ходили уже много лет, и взгляд, потухший, как спичка на ветру. Он смотрел на себя и не узнавал. Где тот мальчишка, который мечтал убежать, стать кем-то важным, найти свое место в этом мире? Он остался где-то в прошлом, в детдомовском коридоре, где пахло хлоркой и отчаянием. Здесь, в этой комнате, жил только бегун, человек, который привык двигаться, чтобы не думать.

Мысли копились в голове, как мусор, который нельзя выбросить. Работа, в которой ты винтик, настолько мелкий, что тебя можно заменить в любую секунду. Соседи, которые не здороваются, потому что им нет до тебя дела. Девушка, которая ушла, когда поняла, что за тобой нет ничего, кроме пустоты. Всё это сливалось в один белый шум — монотонный, раздражающий, сводящий с ума. Он пытался заглушить его, закрывал глаза и представлял, что бежит. Только тогда шум стихал, превращаясь в ритмичный стук собственного сердца. Ту-тук. Ту-тук. Пока он бежал, он был жив. Пока он бежал, он мог притворяться, что у него есть цель.

Но в этом и была самая страшная правда. У него не было цели. Он не знал, куда бежит. Он просто бежал прочь. От мерзкого менеджера с жёлтыми ногтями, который платил ему гроши и считал себя благодетелем. От детдома «Солнечный дом», где его никогда не любили по-настоящему. От воспитателей, которые говорили: «Ты никто, Тимур». От мира, который постоянно доказывал им правоту. Он убегал, стараясь не оглядываться, но тени прошлого настигали его

всегда. Они прятались в каждом углу, в каждом отражении, в каждом слове, брошенном в спину.

Дождь, барабанивший по подоконнику, казался ему собственным сердцебиением. Город плакал, и вместе с ним плакал он, хотя его глаза оставались сухими. Разница была в том, что город не знал, что делает. Он просто выполнял свою функцию. Он был запрограммирован на дождь. А Тимур должен был сам решать, что ему делать. Но решения, казалось, закончились вместе с его детской верой в чудеса.

На столе лежала пустая бутылка, и он смотрел на неё с тоскливым безразличием. Когда-то он думал, что алкоголь — это выход. Способ забыться, стереть серую картинку реальности. Он пробовал. Это было отвратительно. Вкус, запах, утренняя головная боль, которая снова напоминала о том, что проблемы никуда не делись. Нет, бежать было проще. Бег не оставлял похмелья. Только усталость, которая была его постоянной спутницей.

Вчера он бежал. Сегодня он будет бежать. Завтра тоже. И так до бесконечности. Он уже почти смирился с этой мыслью, как вдруг заметил кое-что, что заставило его на секунду замереть. На стекле, через которое он смотрел на проспект, появилась трещина. Маленькая, едва заметная, похожая на тонкую паутинку. Она начиналась где-то в углу и уходила вниз, раздваиваясь на конце.

Тимур провел пальцем по стеклу. Трещина была холодной и острой. Он смотрел на неё, и в его голове всплыла стран-

ная мысль: «А что, если и моя жизнь — всего лишь такая же трещина? Яркая, но бессмысленная. Я существую, потому что кто-то нечаянно стукнул по стеклу, и я появился. А когда трещина разрастется, я исчезну. И никто не заметит, что меня нет».

Он усмехнулся этой мысли. Она была мрачной, даже для него. Но от этого она не становилась менее правдивой. Он всегда был реалистом. Или, как говорили в детдоме, циником. «Не надейся на лучшее, Тимур, — учила его Галина Петровна, когда он еще верил в сказки. — Надейся только на себя. И не жди, что кто-то придет и спасет тебя. Ты никому не нужен». Она была права. Он никому не нужен. Он не нужен даже себе, если уж совсем честно. Он просто плыл по течению, пытаясь удержать голову над водой, но с каждым днем сил становилось все меньше.

Он оторвал взгляд от окна и посмотрел на свои руки. Пальцы были длинными, сбитыми, с мозолями от постоянной работы. Руки, которые могли бы держать кого-то за руку, но были вынуждены сжимать только руль велосипеда. Руки, которые могли бы обнимать, но вместо этого таскали тяжелые сумки с едой, пока город наблюдал за ним со стороны, равнодушно и отстраненно.

Где-то внизу, на проспекте, раздался громкий сигнал машины. Тимур вздрогнул, но не обернулся. Он продолжал смотреть на свои руки, как будто искал в них ответ на вопрос, который мучил его последние несколько лет. Ответа не

было. Только белый шум в голове, который становился все громче.

Он знал, что должен идти на работу. Менеджер и так был недоволен его опозданиями. Но внутри него что-то сопротивлялось. Какая-то маленькая искра, которая отчаянно боролась за жизнь, не давая ему окончательно провалиться в эту серую бездну. Искра, которая шептала: «Беги дальше. Беги, пока можешь. Остановишься — и всё кончится. И ты станешь просто еще одной мокрой тенью на этом асфальте».

Он накинул старую куртку, которая уже не грела, и вышел на лестницу. Запах сырости ударил в нос, смешиваясь с запахом кошачьей мочи и дешевых сигарет. Дверь захлопнулась за его спиной с глухим звуком, словно закрывая за ним прошлое. Но прошлое, как всегда, пошло за ним.

Он спустился по лестнице, вышел на улицу и глубоко вдохнул. Воздух был влажным и тяжелым. Он пах гнилью. В этом городе дождь всегда пах гнилью. И Тимур побежал. Прямо с порога, не разминаясь, не разогревая мышц. Он просто сорвался с места, как зверь, почувывший опасность. Асфальт был мокрым, ноги скользили, но он знал, как бегать по мокрой дороге. Он научился этому раньше, чем дышать.

Он бежал по проспекту, и город пропускал его сквозь себя, как пропускают иглу сквозь ткань. Он был быстрым, незаметным, но невидимым. Никто не оборачивался ему вслед. Никто не кричал: «Эй, парень, ты куда?» В этом городе каждый был сам за себя.

Он бежал, и в голове его снова зазвучал белый шум. Но теперь он не был раздражающим. Он был успокаивающим, как колыбельная. Он сливался с ритмом его шагов, с хриплым дыханием, с ударами сердца. Ту-тук. Ту-тук. Бег. Всегда бег.

Тимур смотрел на светофоры, которые мигали красным впереди. Он знал, что надо остановиться. Надо подождать. Но он не мог. Если он остановится, белый шум вернется. Он снова услышит голос менеджера: «Ты никто». Он снова увидит глаза Галины Петровны: «Никто не придет». Он снова почувствует, как внутри него разрастается пустота, пожирая остатки его души.

Нет. Он не мог остановиться. И он бежал.

Ту-тук. Ту-тук. Он перебежал дорогу, не глядя по сторонам. Он просто знал, что его ноги несут его вперед, и этого достаточно. Красный свет казался ему просто еще одним препятствием, которое нужно преодолеть. Как и всё в его жизни.

И только когда он уже почти достиг противоположного тротуара, он почувствовал это. Свет. Яркий, ослепительный свет, от которого нельзя было спрятаться. Он ворвался в его сознание, пробивая серую пелену, и на мгновение ему показалось, что время остановилось.

Он не слышал визга шин. Он не слышал криков. Он видел только свет. И в этом свете он увидел её. Девушку с длинными светлыми волосами, которые развевались на ветру. Она

стояла на краю его мира и улыбалась. Он никогда не видел её раньше. Но в этот момент он знал, что она — единственное, что имеет значение.

А потом была темнота.

Он упал на мокрый асфальт, и холод проник в его тело, как чужеродный. Вода заливала лицо, смешиваясь с чем-то теплым, липким. Он пытался дышать, но в груди что-то хрипело, мешало. Он пытался открыть глаза, но веки были тяжелыми, как свинец.

Кто-то наклонился над ним. Он не видел лица, только смутный силуэт. И голос. Голос, который звучал издалека, сквозь толщу воды.

— Держись, парень! Слышишь?! Не умирай!

Тимур хотел ответить, но не мог. Он хотел сказать этому человеку: «А зачем? Зачем мне держаться? Меня никто не ждет. Я никому не нужен». Но слова застряли где-то в груди.

И в тот момент, когда он уже был готов отпустить, сдаться, он снова увидел её. Девушка стояла над ним, но не в реальности — где-то в глубине его сознания. Ее лицо было близко. Она улыбалась, и в ее глазах светилась та самая надежда, которую он давно потерял. Она протянула ему руку.

— Идем, Тим, — сказала она, и голос ее звучал, как музыка. — Я жду тебя.

Тимур протянул руку в ответ, но не мог коснуться её. Мир снова погрузился в темноту. Белый шум стих. Осталась только тишина. И она была спокойной. Она была, как начало.

Она была, как приглашение в мир, где всё только начинается.

ГЛАВА 1. БЕЛЫЙ ШУМ

Дождь в этом городе пахнет гнилью.

Тимур бежал по мокрому асфальту, и каждый шаг отдавался глухим хлопанием в стоптанных кроссовках. Вода просачивалась сквозь дырявую подошву, холодная, как февральский металл. Фонари моргали через равные промежутки — город экономил электричество, будто само время здесь стоило денег. Он выскочил на проспект, когда горел красный. Плевать. Он всегда плевал на правила. Правила были для тех, у кого есть будущее. У него будущего не было.

Сзади, в шести кварталах, оставался офис доставки "Быстрый Бобр" — контора с облупившейся вывеской, где пахло потом, жареными пирожками и отчаянием. Там, в кабинете менеджера, Тимур оставил свою злость. Она всё ещё висела в воздухе — густая, как дым, въедающаяся в одежду. Он чувствовал её на коже, когда выбежал на улицу.

— Ты что, идиот?! — орал менеджер, пухлый мужчина с лысиной, которую он прятал под кепкой. Кепка была грязной, с пятнами пота. — Второй раз за неделю! Клиент жалуется, что пицца холодная!

— Потому что он живёт на девятом этаже без лифта, а лифт сломан, — Тимур стоял, скрестив руки на груди. Его голос был ровным, без эмоций. Он научился так говорить в

детдоме, когда воспитатели кричали, а он просто смотрел в одну точку и ждал, пока они устанут. — Я бежал. Я всегда бегу. Но пицца остывает за пятнадцать минут, а я не бог.

— Ты никто! — менеджер ткнул пальцем в его грудь. Палец был толстым, с жёлтым ногтем, и от него пахло табаком. — Ты сирота из детдома! Тебе вообще повезло, что мы тебя взяли! Ты должен целовать мне руки за то, что я дал тебе работу! Кто ещё возьмёт такого, как ты?!

Тимур посмотрел на этот палец. Он мог бы сломать его. Легко. Одним движением. В армии учили, как это делать — захват, резкий рывок, хруст. Но он не стал. Вместо этого он просто развернулся и пошёл к выходу. Он слышал, как менеджер продолжает орать ему в спину, но слова уже не имели значения. Они были пустыми, как этот город.

— Ты уволен! — кричали ему вслед. — Идиота кусок! Никто тебя не возьмёт! Ты сдохнешь на улице!

Тимур не обернулся. Он вышел на улицу, глубоко вдохнул сырой воздух и побежал. Он всегда бежал. Бежать легче, чем стоять. Когда бежишь — не думаешь. Когда бежишь — можно представить, что у тебя есть цель. Впереди был свет. Просто свет фонарей, но он казался обещанием. Обещанием, что где-то есть тепло. Только Тимур уже не верил в обещания.

Проспект был пустым. В этом районе к десяти вечера вымирали все. Только редкие машины пронеслись мимо, раз-

брызгивая воду из луж. Тимур пересёк одну полосу, вторую. Светофор горел красным, но он его не видел. Он видел только асфальт под ногами, слышал только своё дыхание — хриплое, рваное. В груди кололо, но он привык к боли. Боль была спутницей, которая никогда не уходила.

В голове крутилась одна фраза. Она застряла там, как заноза, и её нельзя было вытащить.

"Ты никто".

Он слышал это всю жизнь. В детдоме "Солнечный дом", где воспитательница Галина Петровна говорила: "Ты не особенный, Тимур. Ты такой же, как все. Даже хуже. У тебя нет родителей, значит, тебя никто не любил". Он слышал это в школе, где учителя ставили тройки и говорили: "Из тебя ничего не выйдет, мальчик. У тебя нет перспектив". Он слышал это в армии, где старшина орал: "Ты — грязь под ногами, салага. Ты никто без нас". И на работе менеджер с жёлтым ногтем повторил это ещё раз.

"Ты никто".

А может, они правы? Может, он действительно никто? Может, его единственное предназначение — бежать по мокрому асфальту в никуда?

Тимур мотнул головой, отгоняя мысль. Он не позволял себе думать об этом. Если начнёшь — сломаешься. Он знал. Бывали ночи, когда он лежал на своём продавленном диване в съёмной комнате и смотрел в потолок. Потолок был белым, с трещиной, похожей на карту мира. И Тимур думал: "А где

на этой карте я? Где моё место?"

Ответа не было. И не будет. Он привык к этому. Привык к пустоте. Привык к одиночеству. Привык к тому, что его никто не ждёт.

Но сейчас, в эту секунду, он бежал. И это было единственное, что имело значение.

Он выбежал на середину проспекта. Светофор всё ещё горел красным, но Тимур был слишком быстрым. Он всегда был быстрым. У него было три золотых значка по бегу в детдоме. Тренер Сергей Иванович — единственный взрослый, который был к нему добр — говорил: "Ты бы мог стать чемпионом, Тим. Но тебе нужна поддержка. Чемпионам нужна вера". Тимур тогда не понял. Он думал, что побеждают сильные. А оказалось, побеждают те, у кого есть кому показать свою победу.

У Тимура никого не было.

И вдруг — свет. Яркий, белый, как хирургическая лампа. Тимур зажмурился на секунду, но было поздно. Слева, из ниоткуда, вылетела машина. Грузовик. Огромный, как стена. Он даже не услышал визга шин — просто почувствовал, как воздух перед ним стал плотным, как желе. Время замедлилось. Он видел каждую каплю дождя, застывшую в воздухе. Видел фары, которые неслись прямо на него. Видел своё лицо в отражении мокрого асфальта — худое, бледное, с тёмными кругами под глазами.

И удар.

Не больно. Странно — ни боли, ни страха. Только глухой звук, похожий на то, как если бы кто-то ударил по мокрому мешку с песком. Тимур взлетел в воздух. Нет, он не чувствовал полёта — просто знал, что земля уходит из-под ног. Всё было в замедленной съёмке. Он видел, как грузовик проносится под ним, видел, как из-под колёс летят брызги, видел, как его собственное тело крутится в воздухе.

А потом темнота.

Но не сразу. Сначала Тимур увидел небо. Серое, низкое, с тучами, похожими на вату. Он лежал на спине, смотрел вверх и думал: "Как странно. Я же только что бежал. А теперь лежу". Он попытался пошевелить рукой — не получилось. Ног — тоже. Тело было чужим, тяжёлым, как свинец.

— Эй! — чей-то голос доносился издалека, будто через слой воды. — Парень! Ты слышишь меня?!

Тимур хотел ответить, но губы не слушались. Он чувствовал только холод асфальта под спиной. И дождь. Капли падали ему на лицо, холодные, колючие.

— Вызовите скорую! Быстрее!

Кто-то наклонился над ним — женщина с испуганными глазами, в плаще, который весь промок. Она что-то кричала, но звук таял, как дым. Тимур видел только её рот — открывался, закрывался. И дождь. Капли падали на лицо и скатывались вниз, смешиваясь с чем-то тёплым. Кровь. Он понял, что идёт кровь.

Он подумал: "Я умру". И удивился. Потому что ему бы-

ло всё равно. Никакого страха. Никакого сожаления. Только странное спокойствие, как перед сном. В голове мелькнула мысль: "Может, там меня кто-то ждёт?" А потом он вспомнил — некого ждать. Никто не придёт. Никто не будет плакать. Он умрёт здесь, на мокром асфальте, и о нём забудут через неделю.

Но это не пугало. Наоборот — это приносило облегчение. Наконец всё закончится. Боль, голод, одиночество — всё уйдёт.

Тимур закрыл глаза.

И мир исчез.

Было тихо.

Тимур стоял посреди пустоты. Не чёрной, нет — белой. Белый свет со всех сторон, без источника. Он не чувствовал своего тела. Не чувствовал рук, ног, дыхания. Только сознание — чистое, незамутнённое.

— Я умер, — сказал он вслух. Голоса не было. Он просто знал, что сказал это.

"Да", — ответила тишина.

И Тимур подумал: "Ну и ладно".

Он не знал, сколько прошло времени — секунда или вечность. Белый свет не менялся. Только где-то на границе восприятия появился звук. Сначала далёкий, как шум моря. Потом ближе. Он стал различать в нём ритм — бах-бах-бах. Как поезд. Как колёса о рельсы.

Поезд.

Тимур вспомнил детство. Каждое лето в детдоме они ездили в лагерь "Орлёнок". Это был единственный раз в году, когда он чувствовал себя почти счастливым. Он стоял у окна, смотрел, как мелькают столбы, деревья, дома, и думал. "Куда я еду? Может, там кто-то ждёт?" Никто не ждал. Но звук поезда остался — с ним навсегда. Он любил этот звук. В нём было обещание пути. Обещание движения.

Белый свет начал меркнуть. Пространство обрело форму, стало плотным, осязаемым. Тимур почувствовал, что у него есть тело. Тяжёлое, уставшее, но своё. Он сидел. Где-то под ним было что-то твёрдое — дерево. Шершавое, с зазубринами. Он чувствовал текстуру каждой трещинки.

Он открыл глаза.

Серый. Всё было серым.

Тимур сидел на деревянной скамейке. Старой, облупившейся, с выцарапанными буквами — кто-то оставил своё имя. Он провёл пальцем по буквам: "А.С."

Вокруг простирался огромный зал ожидания. Колонны уходили вверх, к высоченному потолку, теряясь в серой дымке. Окна — арочные, высокие, витражные, как в старых европейских соборах — пропускали свет, но не солнца. Просто серое освещение, без источника. Свет был везде и ниоткуда.

Вокзал.

Тимур огляделся. Вокруг сновали люди, но двигались они

странно — медленно, будто в замедленной съёмке. Их лица были пустыми, лишёнными эмоций. Глаза смотрели в одну точку — в никуда. Они шли к одной стене, в которой был проём — огромный, как вход в тоннель. За ним ничего не было видно. Только тьма, которая не рассеивалась.

Тимур сидел на скамейке и смотрел на них. На его губах застыл немой вопрос, который он не мог задать, потому что язык не слушался. Он хотел встать, но ноги были ватными.

Он просто сидел.

Серый туман стелился по полу, касался его ног. Люди брели в никуда — бесконечная вереница теней, которые не замечали друг друга. Старик с седой бородой, женщина с ребёнком, мужчина в рваной рубашке. Они проходили мимо, не глядя на Тимура.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но голос застрял в горле.

Тимур открыл глаза на скамейке огромного вокзала. Вокруг серый туман, люди бредут в никуда.

ГЛАВА 2. БИЛЕТ БЕЗ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ

Тимур сидел на скамейке и смотрел на людей. Они брели в никуда — бесконечная вереница серых теней, которые не замечали друг друга. Старик с седой бородой, женщина с ребёнком, мужчина в рваной рубашке. Они проходили мимо, не глядя на Тимура. Их лица были пустыми, как стены этого вокзала. Глаза смотрели в одну точку — в проём, за которым

была только тьма.

Тимур попытался встать. Ноги не слушались — они были ватными, будто он спал сутки. Только через усилие, вцепившись в край скамейки, он поднялся. Дерево скрипнуло под его пальцами. Он стоял, покачиваясь, и смотрел на свои руки. Они дрожали. Мелкая дрожь пробежала по пальцам, по запястьям, по всему телу. Холод. Он не чувствовал холода кожей — он чувствовал его нутром, глубоко внутри, там, где раньше было тепло.

Он сделал шаг. Потом второй. Ноги слушались с трудом, но он двигался. Он подошёл к старику с седой бородой, который сидел на соседней скамейке. Старик смотрел в стену и не моргал. Его глаза были открыты, но в них не было жизни — только серость, как во всём этом мире.

— Эй, — сказал Тимур. Голос хрипел, будто он не пил несколько дней. — Ты слышишь меня?

Старик не ответил. Он просто сидел, сжимая в руке бумажный билет. Тимур наклонился и заглянул в билет. Там было имя: "МИХАИЛ ПЕТРОВ". Бумага была старой, пожелтевшей, с ободранными краями.

— Михаил, — позвал Тимур. — Ты слышишь?

Никакой реакции.

Тимур коснулся плеча старика. Кожа была холодной, как лёд. Но старик дышал — грудь медленно поднималась и опускалась. Он был жив. Или почти жив. Что-то среднее между жизнью и смертью. Тимур отдернул руку. Ему стало

не по себе от этого холода.

Он пошёл дальше. Мимо него проходили люди, но они не замечали его. Они шли, опустив головы, и смотрели только под ноги. Тимур попытался остановить женщину с ребёнком. Он встал у неё на пути, но она прошла сквозь него. Буквально сквозь него. Тимур почувствовал, как её тело проходит через его — холодное, невесомое. Он отшатнулся и ударился спиной о колонну.

— Что за чертовщина? — прошептал он.

Он стоял, прижавшись к колонне, и смотрел на бесконечный поток теней. Они не обращали на него внимания. Они не обращали внимания друг на друга. Они просто шли. Без цели. Без надежды. Без конца.

Тимур перевёл дыхание. Глубоко вдохнул. Воздух был холодным и сухим, без запаха. Он не чувствовал ничего. Ни горелого хлеба, ни дождя, ни пота. Только пустота.

Он пошёл дальше. Его шаги гулко отдавались в тишине вокзала. Он прошёл мимо высоких арочных окон, за которыми было серое небо — без солнца, без облаков, без звёзд. Просто серость. Бесконечная, как этот вокзал.

Тимур остановился перед огромным табло. Оно висело под потолком и светилось тусклым серым светом. На нём бежали строчки — имена и даты. Тимур подошёл ближе и прочитал:

"АННА КРЫЛОВА — 03.04.1985"

"СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ — 12.11.1987"

"КРИСТИНА..."

Он не дочитал — буквы исчезли, заменились другими. Табло обновлялось постоянно, как расписание поездов. Но поездов не было. Не было ни гудков, ни стука колёс. Только тишина.

— Как это работает? — спросил Тимур вслух.

Ответа не было.

Он отошёл от табло и пошёл дальше. Он ходил по вокзалу, искал выход, но стены были повсюду — высокие, серые, без дверей. Только один проём — чёрный тоннель. Он вёл в никуда. Тьма, которая не рассеивалась.

— Это всё сон, — сказал Тимур. — Я сплю. Меня сбила машина, я в коме, и это просто галлюцинации.

Он зажмурился. Сильно. До боли. И открыл глаза. Ничего не изменилось. Серый вокзал. Серые люди. Серый туман.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет...

Он закричал. Громко, так, что в горле запершило. Крик разнёсся по залу, ударился о стены и затих. Никто не обернулся. Люди продолжали идти, не замечая его.

Тимур опустился на колени. Его тело дрожало. Он чувствовал, как воздух вокруг него становится плотнее, холоднее. Туман поднимался выше, касался его груди, его лица.

— Это не сон, — сказал он сам себе. — Это реальность. Я умер.

Он поднял голову. Вокруг него сновали люди. Они не видели его. Они не слышали его. Они были призраками, а он

стал одним из них.

Тимур встал. Его ноги дрожали, но он удержался. Он сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль. Не сильная, но осязаемая. Значит, он ещё чувствует. Значит, он ещё не потерял себя.

Он пошёл дальше.

Прошло время. Час, два, день. Тимур не знал. Он бродил по вокзалу, пытаясь найти ответы. Он разглядывал лица людей, читал имена на билетах, смотрел в их пустые глаза. Никто не отвечал ему. Никто не замечал его.

И вдруг он заметил что-то. В углу зала, за колонной, стоял человек, который не двигался в потоке. Он стоял и смотрел на Тимура. Высокий, худой, в старом сюртуке с медными пуговицами. Его лицо было изрезано морщинами — сотни линий, будто кто-то рисовал карту времени. Глаза были чёрными, без белков. В них не было зрачков. Только тьма.

Тимур замер. Сердце колотилось, хотя он не чувствовал его. Он смотрел на незнакомца, а незнакомец смотрел на него. Не двигался. Не дышал. Просто стоял.

— Кто ты? — спросил Тимур.

Незнакомец не ответил.

Тимур сделал шаг вперёд. Потом второй. Он шёл к нему, пробираясь сквозь толпу теней. Люди расступались перед ним, но не замечали его. Они просто уступали дорогу, как вода уступает дорогу камню.

Тимур остановился в метре от незнакомца. Он смотрел в его чёрные глаза и чувствовал, как холод проникает в его тело. Холод, который шёл от незнакомца. Он был холоднее льда. Холоднее смерти.

— Ты умер, парень, — сказал незнакомец. Голос был старым, хриплым, будто он не пил воды несколько столетий. — Ты умер, и теперь ты здесь.

Тимур отшатнулся. Он хотел закричать, но голос застрял в горле. Он смотрел на незнакомца и не мог пошевелиться. Его тело было парализовано страхом.

— Кто ты? — прошептал он.

— Я тот, кто провожает души, — ответил незнакомец. — Проводник. Я здесь для того, чтобы объяснить тебе правила. Хотя... правила просты.

— Это ад? — спросил Тимур. — Я в аду?

Проводник усмехнулся. Сухо, беззвучно. Только его губы дрогнули.

— Это Лимб, парень. Пограничье. Между жизнью и смертью, между раем и адом. Ты умер, но ты ещё не ушёл. Ты здесь, потому что твоя душа не знает, куда ей идти.

— У меня нет души, — отрезал Тимур. — Я не верю в это.

Проводник смотрел на него с любопытством. Как учёный на странный экспонат.

— Это не важно, веришь ты или нет. Важно, что ты здесь. И пока ты здесь — тебе нужно выбрать.

— Выбрать что?

Проводник поднял руку и указал куда-то вдаль. Там, в сером тумане, открывались туннели. Тимур насчитал их семь. Каждый был одинаковым — тёмным, без света. Но разной высоты. Первый — низкий, почти подземный ход. Второй — широкий, как вокзальный переход. Третий — изогнутый. Все они уходили во тьму.

— Видишь? Семь туннелей. Семь испытаний. Ты должен пройти их все. Каждое — это часть твоей жизни. Если ты пройдёшь их с честью — ты попадёшь в Рай. Если нет...

— Я попаду в Ад? — перебил Тимур.

Проводник покачал головой.

— Если нет — ты останешься здесь навсегда. Ты сотрёшься. Станешь как они, — он кивнул на людей, которые брели в никуда. — Вечный пассажир, который никогда не уедет.

Тимур посмотрел на людей. Старик с бородой, женщина с ребёнком, мужчина в рваной рубашке. Они не двигались. Они просто ждали. Минуты, часы, годы — это не имело значения. Они стали частью Лимба.

— Сколько времени я здесь? — спросил он.

— Времени здесь нет, — ответил Проводник. — Может быть, минута. Может быть, вечность. Время здесь — это количество твоих шагов.

Он протянул Тимурю бумажный билет. Старый, пожелтевший, с одним словом: "ТИМУР".

— Возьми. Это твой пропуск.

Тимур колебался. Он смотрел на билет и чувствовал, как

от него исходит холод. Такой же холод, как от Проводника. Как от людей. Как от всего этого мира.

— Бери, — повторил Проводник. — Ты не сможешь пройти испытания без него.

Тимур взял билет. Бумага была холодной, как лёд. И в тот момент, когда он коснулся её, он увидел вспышку. Сцену из детства.

Ему пять лет. Он сидит на полу в комнате, пахнувшей перегаром и кислым молоком. Обои жёлтые, с цветами. Мать в углу, пьяная. Она плачет и говорит: "Я не могу, Тим. Я не могу быть твоей мамой. Ты меня отягощаешь". Она уходит. Дверь закрывается. Тимур сидит один. Он хочет плакать, но не может. Он смотрит на свою руку — маленькую, худую, с синяком от падения — и сжимает её в кулак.

"Я буду сильным", — говорит он себе. — "Я никому не нужен. Но я справлюсь".

Воспоминание исчезло.

Тимур стоял на вокзале, сжимая билет в руке. Его пальцы дрожали. Он не плакал. Он давно разучился.

— Что это было? — спросил он, глядя на Проводника.

— Это твоя жизнь, — ответил Проводник. — Первый шаг. Но он будет позже. Сейчас — слушай. У тебя есть одно преимущество. Запомни.

— Какое?

— Здесь нет еды. Нет вкуса. Еду можно жевать, но она как песок. Воду можно пить, но она как воздух. Ты не почув-

ствуешь ничего. Голод будет, но утолить его нельзя.

Тимур нахмурился.

— Зачем это?

— Чтобы ты понял: ценность есть только у того, что ты приносишь с собой. И единственное, что здесь имеет вес — прикосновения.

— Что?

Проводник приблизился. Его холодное дыхание коснулось лица Тимура. Запахло пылью, старостью и чем-то сладким — как мёд, но приторный, неестественный.

— Если ты коснёшься кого-то, кто стал тебе родным, — ты почувствуешь его. Тепло, запах, даже вкус. Касание — это всё, что у тебя есть. Запомни это. В этом мире касание — единственная правда.

— А если я коснусь их? — Тимур кивнул на людей.

— Они не почувствуют. Они уже потеряли себя. А ты — ещё нет.

Тимур хотел спросить ещё, но Проводник уже отступал назад, тая в тумане.

— погоди! — крикнул Тимур. — Как мне начать испытания?!

— Жди, — донеслось из тумана. — Придёт время — ты поймёшь. А пока — сиди. Наблюдай.

— Но я не хочу ждать! Я хочу вернуться!

Проводник не ответил. Он исчез. Только голос ещё несколько секунд висел в воздухе, как эхо.

— Ты не вернёшься, Тимур. Ты умер. Ты должен пройти через это.

И стало тихо.

Тимур остался один. Он стоял в центре огромного зала, держа в руке холодный билет с именем. Люди не обращали на него внимания. Они двигались в ту же сторону, к чёрному проёму. Бесконечная вереница теней.

Туман поднимался выше, касался его колен, бёдер. Холод проникал под кожу.

Тимур посмотрел на билет. Бумага была старой, с ободранными краями. И вдруг он заметил, что снизу, мелкими буквами, написано что-то ещё. Он перевернул билет. Там было написано:

"ПРОЙДИ ЧЕРЕЗ СЕМЬ КРУГОВ. ВОЗЬМИ С СОБОЙ ВСЁ, ЧТО ТЫ ОСТАВИЛ."

Тимур не понял. Он сунул билет в карман джинсов, застегнул дрожащими пальцами пуговицу и пошёл в сторону туннелей. Он не знал, куда идти, но стоять на месте было невыносимо. Он подошёл к первому туннелю. Низкому, почти подземному ходу. Из него тянуло холодом. И запахом.

Запах.

Тимур остановился. Он вдохнул глубже. Запах. Он не чувствовал запахов с того момента, как очнулся на скамейке. Но сейчас он ощутил его — отчётливо, резко. Запах горелого хлеба. И голос — детский.

— Мама...

Тимур замер. Голос доносился из первого туннеля. Он был слабым, напуганным. Тимур узнал его. Это был его собственный голос. Пять лет. Тот самый день, когда мать ушла.

Он сделал шаг к туннелю. И остановился. Сердце колотилось, хотя он не чувствовал сердца. Он знал, что там — его боль. Его страх. Его самое тёмное воспоминание.

— Нет, — сказал он себе. — Я не готов.

Он развернулся и пошёл обратно к скамейке. Сел. Сжал руки в кулаки. Он не хотел возвращаться в этот день. Не хотел видеть ту комнату. Не хотел слышать свой детский плач. Он сидел на скамейке, смотрел в серое ничто и пытался не думать.

"Я буду сильным", — сказал он тогда.

И он стал. Но теперь он был мёртв. Туман опускался ниже. Тимур сидел на скамейке, смотрел в серое ничто, и впервые за много лет хотел, чтобы кто-то подошёл к нему и сказал: "Всё будет хорошо".

Никто не подошёл. Только тишина. И белый шум — где-то вдалеке, за пределами Лимба.

Тимур сидел на скамейке и смотрел на табло. Имена менялись, исчезали, появлялись снова. Он пытался найти своё имя, но его не было. Только чужие. Анна Крылова. Сергей Михайлов. Кристина...

Он снова не дочитал.

Вдруг он заметил движение. Не в толпе — там всё было одинаково. А рядом. Кто-то сидел на соседней скамейке. Человек. Живой. Тимур повернул голову и увидел мужчину лет сорока, который смотрел на него. У него было лицо — не пустое, как у других. Глаза были живыми. В них была боль. И страх.

— Ты меня видишь? — спросил Тимур.

Мужчина кивнул.

— Ты новенький? — спросил он. Голос был хриплым, но тёплым.

— Да, — ответил Тимур. — Я... я не понимаю, что здесь происходит.

— Никто не понимает, — мужчина усмехнулся. — Но ты привыкнешь. Или нет. Зависит от того, как быстро ты сдашь-ся.

— А ты?

Мужчина посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Я здесь три года. По моим ощущениям. Но здесь нет времени, так что...

— Ты проходил испытания?

Мужчина покачал головой.

— Я боюсь. Я знаю, что там — моя жизнь. Мои ошибки. Моя боль. Я не хочу возвращаться туда.

— Но если не пройти...

— Тогда я стану как они, — мужчина кивнул на толпу.

— Исчезну.

Тимур смотрел на него. На его дрожащие руки. На его глаза, полные страха. Он узнал в нём себя.

— Как тебя зовут? — спросил Тимур.

— Алексей, — ответил мужчина. — А тебя?

— Тимур.

Они сидели рядом, два живых человека среди мёртвых. И Тимур чувствовал, что он не один. Хотя бы сейчас.

— Ты должен идти, — сказал Алексей. — Ты должен попытаться. Не будь как я. Я слабак. Я сдался.

— Я не сдамся, — сказал Тимур. — Я не умею сдаваться. Алексей улыбнулся.

— Тогда иди. Возьми свой билет и иди к туннелям. Это единственный шанс.

Тимур встал. Он сжал билет в руке и пошёл к туннелям. Запах горелого хлеба стал сильнее. Детский голос звал его.

"Мама..."

— Я иду, — сказал Тимур.

Он подошёл к первому туннелю. Заглянул внутрь. Там было темно. И холодно. Но он знал, что должен сделать это.

— Я не боюсь, — сказал он себе.

И шагнул в темноту.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ КРУГ. ГОЛОД

Тимур шагнул в темноту, и мир перевернулся.

Не было никакого перехода — просто в один момент он стоял на пороге туннеля, а в следующий уже сидел на холод-

ном полу. Где-то внутри всё сжалось. Он моргнул, пытаясь привыкнуть к свету, который был совсем другим — не серым, как в Лимбе, а жёлтым, тусклым, с запахом старой пыли и чего-то кислого.

Комната.

Он узнал её мгновенно, хотя не видел много лет. Маленькая, тесная, с обоями в жёлтый цветочек — дешёвые обои, которые отклеивались по углам. Окно с одной рамой, за ним сумерки, снег падает хлопьями. На подоконнике стоит пустая банка из-под кофе — в ней окурки. В комнате пахнет перегаром, дешёвым табаком и ещё чем-то — запахом запустения. Запахом жизни, которая давно сломалась.

Тимур посмотрел на свои руки. Они были маленькими. Тонкими. Детскими. Он провёл ладонью по лицу — щеки были мягкими, небритыми. Он понял, что ему пять лет.

— Я в воспоминании, — прошептал он.

Голос был тонким, высоким. Детским. Он никогда не слышал себя таким с того самого дня. Он не слышал себя ребёнком уже семнадцать лет.

Тимур огляделся. Комната была такой же, как в тот вечер. Разбитый стул в углу. На столе — пустая бутылка, одна на весь вечер. Телевизор выключен. На полу — старая газета, на которой кто-то рисовал. Он подошёл ближе и увидел рисунок. Корявый, детский. Нарисован дом с трубой и двумя человечками — большая и маленькая. Рядом подпись: "МАМА И ТИМА". У человечков были улыбки — широкие,

непропорциональные, нарисованные синим фломастером.

Тимур смотрел на рисунок. Он не помнил его. Но сейчас, глядя на эти улыбки, он почувствовал, как что-то сжалось в груди. Тоска. Глубокая, давняя, похороненная под слоями гнева и боли.

Он повернулся и увидел её.

Мать.

Она сидела в углу на старом табурете. На ней был халат, который она носила всегда, — синий, с выцветшими цветами. Волосы были спутаны, глаза красные, опухшие от слёз или от того, чего-то ещё. Она смотрела на Тимура. Но не видела его. Она смотрела сквозь. В ней не было злобы — только пустота. И боль. Такая же, как у людей на вокзале.

— Мама, — сказал Тимур. Голос был детским, но он не мог его контролировать. Он просто говорил, как говорил когда-то.

Мать не ответила. Она подняла руку и потянулась к бутылке на столе. Рука дрожала. Она не могла дотянуться.

— Я принесу, — сказал Тимур. Он подошёл к столу, взял бутылку. Она была лёгкой — почти пустой. Он протянул её матери.

Мать посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то — искра. Стыд.

— Прости, Тим, — сказала она. — Прости, что ты это видишь.

Он ничего не ответил. Он помнил этот день. Он помнил,

как она встала, взяла бутылку, сделала глоток. А потом посмотрела на него и сказала то, что он помнил семнадцать лет.

— Я не могу больше, — сказала она. — Я не могу быть твоей мамой.

Тимур стоял и смотрел на неё. Он знал, что будет дальше. Она встанет. Наденет старое пальто. Возьмёт сумку. И уйдёт. И он останется один. Сидеть на полу, смотреть на пустую тарелку и ждать. Ждать, что она вернётся. Но она не вернётся.

И он не заплачет.

Он помнил, как не заплакал. Он сжал кулаки и сказал себе: "Я буду сильным". Но сейчас, стоя здесь, в этом воспоминании, он чувствовал, как слёзы подступают к глазам. Детские, горячие, от которых щиплет веки.

— Почему? — спросил он. — Почему ты оставила меня?

Мать не ответила. Она встала, как в тот день. Накинула пальто. Взяла сумку. Пошла к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.